

предречены в предсказаниях: «... Константином создася и паки Константином и скончася»⁵⁰.

Итак, образ византийского императора в «Повести» окутан полуполюгендарными сказаниями, и героические черты его крайне гиперболизированы. В этом чувствуются отзвуки народной молвы, тех рассказов, которые слышал Нестор Искандер в завоеванном Константинополе непосредственно после гибели василевса.

«Повесть» Нестора Искандера проникнута провиденциалистскими идеями: гибель Византии — наказание господне за грехи ромеев. Она давно предречена Мефодием Патарским и Львом Мудрым, а также зловещими знамениями во время осады⁵¹. При всей своей ортодоксальности Нестор Искандер проявляет умеренность и даже известную лояльность в отношении Запада и католической церкви, хотя и обвиняет латинян в намеренном отказе от помощи гибнущей Византии. «... а фрягове не всъхотеша помощи, но глаголаху в себе: «не дейте, да възмутъ их турки, а у них мы възмем Царьградъ»⁵². Вместе с тем Нестор Искандер умалчивает о предательском поведении во время осады итальянцев Галаты. Генуэзец Иоанн Джустициани (Зустунеа) занимает у него среди защитников Константинополя место рядом с императором. Князь Зустунеа — любимец императора, мудр и искусен в ратном деле⁵³, руководит самым опасным участком обороны, его уважают и фряги и греки, от нападения янычара его спасает греческий воин⁵⁴. Он сам выстрелом разбивает огромную пушку турок, без его участия не совершается ничего важного в защите города. Автор чужд каких-либо подозрений против Джустициани — генуэзец был дважды ранен, и его вторая, смертельная, рана было роковой для защитников города⁵⁵. Похвалы Джустициани в «Повести» расходятся с его оценкой в трудах некоторых византийских авторов: так, Сфрандзи и Халкокондил единодушно обвиняют его в трусливом бегстве после ранения со стен города, которое в тот критический момент было равносильно предательству.

Весьма благожелателен автор «Повести» и к великому дуче Луке Нотаре: у него нет и тени сомнения в преданности Нотары императору и стойкости в защите города⁵⁶. С большим пиететом относится Нестор Искандер к патриарху, духовенству, всем византийским архонтам и стратигам.

Итак, «Повесть» Нестора Искандера — безыскусный, глубоко искренний рассказ очевидца, написанный под непосредственным впечатлением падения Византии. Его писал человек, не получивший уточненного образования, но одаренный наблюдательностью и талантом рассказчика. По широте исторического кругозора и осведомленности, блеску литературного стиля он не может соперничать с прославленными византийскими писателями той эпохи. Суровый воин, он порою наивен и суверен, доверчиво собирает «творимые легенды», апокрифы, рассказы о знамениях и чудесах. Иногда он ошибается в хронологии, путает незнакомые имена, названия кварталов огромного города. И все же ему можно верить в главном — увиденное и пережитое он описал правдиво и честно.

«Повесть» — не только заслуживающий доверия исторический источник, но и самобытное литературное произведение. Это человеческий документ большой жизненной правды, вылившийся из наболевшего сердца рассказ о потрясшей автора исторической трагедии. Грубоватый, но соч-

⁵⁰ ПСРЛ, с. 96.

⁵¹ Там же, с. 97.

⁵² Там же, с. 85; ср. с. 98.

⁵³ Там же, с. 93.

⁵⁴ Там же, с. 88—89.

⁵⁵ Там же, с. 93—94.

⁵⁶ Там же, с. 89, 97.